

В распределении языков, как родных и домашних, ярко проявляются процессы языковой ассимиляции. Доля чувашского языка, как родного, уменьшилась во всех регионах и в целом стала составлять менее четверти всего населения чувашей. Среди сельского населения этот показатель уменьшается более быстрыми темпами – с 2009 по 2019 г. эта доля уменьшилась на 11,2% (среди городского – на 1,3%) и впервые доля чувашского языка, как родного среди городского населения стала превышать её среди сельского населения (24,9% против 20,7%). Для сравнения в 1989 г. доля лиц, назвавших родным чувашский язык, составляла 37,7% [4]. Тем не менее, именно у чувашей доля этнического языка, названного родным, максимальна среди всех поволжских народов Беларуси. При этом полностью отсутствует население, назвавшее чувашский язык языком домашнего общения.

Белорусский язык, как родной, показывает небольшой рост, а как домашний, небольшое снижение, но в целом доля белорусского языка и как родного, и как домашнего, незначительна. Среди сельского населения эти показатели несколько выше, чем среди городского.

Заметно увеличивается доля русского языка. Почти во всех регионах наблюдается её прирост и для родного, и для домашнего языка. Исключение составляет лишь Гомельская область, где эта доля несколько снизилась, а доля белорусского языка, как родного, заметно возросла.

Заключение. В целом можно сделать вывод, что чувашаи в Беларуси существенно затронуты процессами этнической и языковой ассимиляции, которая, вероятно, носит необратимый характер. Их численность снижается очень высокими темпами, население моложе трудоспособного возраста практически отсутствует, а старше трудоспособного возраста составляет заметно больше половины всего населения. Постепенно снижается доля считающих чувашский язык родным, для подавляющего большинства чувашей как родным, так и языком домашнего общения является русский язык.

1. Национальный состав населения Республики Беларусь: стат. бюлл. / Нац. стат. ком. РБ. – Минск: [б. и.], 2020. – 26 с.
2. Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь [электронный ресурс] // Нац. стат. ком-т РБ. – Режим доступа: <https://census.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 27.08.2022.
3. Ягафова, Е. А. Чувашская диаспора в Республике Беларусь / Е. А. Ягафова // Чувашская диаспора: история, современность, перспективы: сб. науч. ст. / отв. ред. Г. И. Тафаев. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 3–13.
4. Иванов В.П. Чувашская диаспора: Этногеографический справочник / В.П. Иванов. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – 316 с.

ОБРАЗ «ВНЕШНЕГО ВРАГА» В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ (20-Е – НАЧАЛО 30-Х ГГ. XX В.)

Черкашин А.Л.,

*аспирант ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Алиева Л.В., канд. ист. наук, доцент*

Ключевые слова. Внешнее окружение, образ врага, периодическая печать, «военная тревога» 1927 г., карикатура.

Keywords. External environment, image of the enemy, periodicals, «war alert» in 1927, caricature.

Советская периодическая печать выполняла целый спектр разноплановых задач, и, в том числе, именно на страницах советских газет и журналов формировался образ «внешнего врага» молодого государства. Актуальность данной проблемы вызвана сложностью и неоднозначностью внешней обстановки в 20-х–30-х гг. XX в.

Цель работы заключается в определении ключевых особенностей изображения образа «внешнего врага» на страницах советской периодической печати в 20-х гг. XX века: что служило основой для формирования образа «врага», в какое время этот образ становится особенно ярким.

Материал и методы. При изучении данной проблемы мы опирались на следующую методологическую базу: 1) историко-генетический метод позволил нам рассмотреть формирование образа «внешнего врага» в динамике; 2) сравнительно-исторический метод позволил сопоставить различные этапы в формировании образа «внешнего врага» на страницах печати, благодаря чему мы можем выделить период нарастания наибольшего противоречия;

3) описательный метод позволил нам получить представление об образе «внешнего врага». При изучении проблемы мы опирались на принцип системности, так как мы не можем рассматривать проблему в отрыве от эпохи и реалий Советского Союза 1920-х гг.

Проблема формирования и развития образа «внешнего врага» на страницах советской периодической печати нашла отражения в работах следующих авторов: А. В. Голубева [1], С. М. Лунёва [2], В. Ю. Меринова [3] и др. Основным источником для нас являются материалы, опубликованные на страницах советской периодической печати 20-х гг. XX века: газеты «Правда», «Известия», а также журналы «Крокодил», «Смехач» и др.

Результаты и их обсуждение. В условиях закрытости и замкнутости Советского государства, информационный поток извне был достаточно серьезно ограничен. Основным информационным каналом становится периодическая печать, которая в свою очередь являлась ключевым орудием большевистской агитационной и пропагандистской кампании. Альтернативных каналов получения информации практически не существовало. Доступ к зарубежной печати был серьезно ограничен по причине ее антисоветского содержания и религиозной агитации. Более того, даже знакомство с доступными зарубежными изданиями было затруднено – большинство советских граждан не владели в должной степени иностранными языками.

Осознавая всю сложность внутренней и внешней обстановки, большевики стремятся консолидировать силы общества для борьбы с внешними и внутренними врагами. В начале 20-х гг. XX в., по политическим и идеологическим причинам, образ «внешнего врага», был, как правило, тесно связан с изображением капитализма и изобличал реальные угрозы интервенции со стороны Антанты и белого движения. В советском обществе ожидание новой войны с каждым годом усиливалось, и так продолжалось вплоть до конца 1920-х гг. Активно разрабатывается и развивается принцип дихотомии, тема «двух лагерей» [4, с.200]. Советскому лагерю – мирному, свободному от эксплуатации, противопоставляется вражеский, агрессивный лагерь капитализма, империализма и колониализма [3, с. 33].

Для строящегося нового государства советов, основанного на принципах равенства всех трудящихся, диктатуры пролетариата и определяющей роли большевистской партии, наибольшую угрозу представлял капитализм с его чуждыми, буржуазными порядками. Олицетворением капитализма в глазах советского гражданина виделась, прежде всего, Великобритания – основной оплот империализма. На рубеже 1920–1930-х гг. образ Великобритании при освещении международных новостей в советской периодической печати занимал центральное место. Великобритания являлась империалистической страной классического капитализма с ярко выраженной классовой структурой и парламентской монархией, что контрастировало с обществом, строящим социализм в Советском Союзе. Британия имела интересы по всему миру, играя важную дипломатическую роль. На международной арене Британская империя была оппонентом СССР и даже считалась центром заговора против СССР. На протяжении рассматриваемого периода напряжение между двумя государствами продолжало нарастать, пока не достигло своего пика. Особым образом на этом фоне выделяются «военные тревоги» 1927–1929 гг. В мае 1927 г. консервативное правительство Великобритании порвало дипломатические отношения с СССР. В Советском Союзе разрыв отношений с Великобританией спровоцировал комплекс пропагандистских мер, направленных на мобилизацию общества на случай возможной войны. Противником в будущей войне должна была выступить коалиция во главе с Великобританией.

Следует обратить особое внимание на политические карикатуры, которые появились на страницах журналов «Крокодил» и «Смехач». В основу образа «внешнего врага» ложится изображение О. Чемберлена – министра иностранных дел Великобритании. Именно он представляется главным разжигателем надвигающейся войны. За период 1924–1929 гг. Чемберлен становился главным действующим лицом приблизительно в четырех десятках карикатур «Крокодила». Сам же премьер-министр Великобритании С. Болдуин появлялся лишь десять раз, а У. Черчилль, сторонник и активный участник антисоветской кампании, появился лишь однажды [5].

В октябре 1929 г. после прихода к власти лейбористского правительства отношения между Великобританией и Советским Союзом были восстановлены. Однако образ лейбо-

ристского правительства, отраженный в периодической печати, был также очень далек от идеала. На страницах советской периодической печати лейбористское правительство изображалось как «орудие буржуазии», а сами лейбористы выступали партией, не выполняющей свои предвыборные обязательства и не оправдывающей название «рабочей» [2]. Сама Великобритания все так же виделась основным врагом для Советского Союза, а вероятность перехода к военным действиям оценивалась достаточно высоко: «Сейчас более чем когда-либо гигантски обостряется опасность войны, опасность интервенции со стороны мировых хищников капитала» [7, с. 2].

Заключение. Таким образом, формировавшийся в 20-е гг. XX в. на страницах советской периодической печати образ «внешнего врага» развивался по принципу дихотомии. Передовому советскому лагерю, освобожденному от буржуазной эксплуатации, противопоставлялся консервативный капиталистический лагерь, активно проводящий политику империализма. Главным антагонистом в глазах советского гражданина становится Великобритания, особое внимание уделяется и ее политическим лидерам. В условиях возрастания напряжения между двумя державами в конце 1920-х гг. образ «внешнего врага» особенно ярко отражается в карикатурной форме на страницах журналов «Крокодил», «Смехач» и др.

1. Голубев, А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: советское общество и внешняя угроза в 1922 – 1941 года. – М., Директ Медиа, 2019. – 384 с.
2. Лунёв, С.М. Экономический кризис в Великобритании: освещение в советской прессе 1929–1933 гг. // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – № 3 (32).
3. Меринов, В.Ю. «Сквозь магический кристалл»: карикатура и карикатуризация реальности в советской центральной прессе 1920-х годов (на примере газеты «Правда») // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 27–39.
4. Вашик. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов. Пер. Аркадия Перлова // Образ врага. / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 0-23 2005. – 334 с.
5. Голубев, А.В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // РСМ. – 2008. – № 1.
6. Крумин Г. Развернутое социалистическое наступление // Известия. – 1930. – № 308.

ГЕОГРАФИЯ АБИТУРИЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ПСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1945–1949)

Штацкая А.М.,

магистрант ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация

Научный руководитель – Алиева Л.В., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. История образования, география абитуриентов, послевоенное восстановление хозяйства, история Псковского края, история Псковского государственного педагогического института.

Keywords. History of education, geography of applicants, post-war restoration of the economy, history of the Pskov region, history of the Pskov State Pedagogical Institute.

Изучая исторические особенности внутренних миграционных процессов в России, особого внимания заслуживает тема учебной миграции молодых людей, особенно в контексте крупных исторических сломов, таких как, например, Великая Отечественная война. Коллективный социально-исторический портрет студенчества первых послевоенных лет сам по себе представляет собой интересную тему для исследования, и важным штрихом к такому портрету являются сведения о том, какова была география приема в высшие учебные заведения после войны. В этом контексте весьма показателен пример Псковского государственного педагогического института. Псковская область стала регионом, который вынес самую длительную оккупацию, понес огромные потери, которые измерялись в 46 млрд. рублей, что составляло 19 % общего ущерба РСФСР [9, с. 13]. Самой большой потерей была гибель людей в годы войны. Если до войны на территории области проживало около 1,5 млн человек, то в конце 1944 г. только 0,5 млн человек [9, с. 14]. Сильное влияние на демографические параметры области также оказали процессы эва-